

УДК 101.2

DOI: 10.34670/AR.2026.44.81.006

Созерцательная установка и возвращение контекста: к проблеме практической феноменологии в позднесовременном обществе

Мелихов Герман Владимирович

Доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры социальной философии,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 35;
e-mail: german.melikhov@kpfu.ru

Мелихова Назиля Накиповна

Кандидат исторических наук,
доцент,
доцент кафедры управления человеческими ресурсами,
Казанский национальный исследовательский технологический университет,
420015, Российская Федерация, Казань, ул. Карла Маркса, 68;
e-mail: nmelikhova@bk.ru

Аннотация

В статье анализируется трансформация субъективности в условиях позднесовременного общества достижений и обосновывается тезис о необходимости созерцательной установки как условия сохранения контекста человеческого существования. Исходя из различения труда, работы и действия (Х. Арендт), а также концепции субъекта достижений (Бён-Чхоль Хан), показывается, что современная логика производительности ведет к реактивности и сужению горизонта опыта. С опорой на идеи Э. Минковского, А. Шопенгауэра, А. Блока, Дж. Бергера и В. Бибихина обосновывается понимание созерцания как формы приостановки инструментального отношения к миру. Практическая феноменология интерпретируется как способ возвращения контекста через не-реактивное удержание феноменальности. Делается вывод о том, что созерцательная установка не является альтернативой действию, а выступает его онтологической предпосылкой.

Для цитирования в научных исследованиях

Мелихов Г.В., Мелихова Н.Н. Созерцательная установка и возвращение контекста: к проблеме практической феноменологии в позднесовременном обществе // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2026. Том 15. № 1А. С. 64-71. DOI: 10.34670/AR.2026.44.81.006

Ключевые слова

Созерцание, позднесовременное общество, практическая феноменология, контекст, реактивность, действие, Бён-Чхоль Хан, Ханна Арендт, Владимир Биbihин, приятие мира.

Введение

Современная социальная и культурная ситуация характеризуется ускорением, интенсификацией производственных и коммуникативных процессов, индивидуализацией ответственности и повышенной ориентацией на достижение. В подобных условиях созерцательная установка представляется либо архаизмом, либо частной духовной практикой, не имеющей системного значения.

Настоящая работа исходит из противоположной гипотезы: в условиях позднесовременного общества достижений созерцательная установка выступает необходимым условием сохранения контекста человеческого существования и, тем самым, поддержания контакта с реальностью.

Для обоснования данного тезиса будут проанализированы характеристики позднесовременного субъекта (Х. Арендт, Б.-Ч. Хан, Д. Агамбен), показана связь между логикой достижения и утратой контекста (Э. Минковский), введено представление о созерцании как форме не-реактивного отношения к миру (А. Шопенгауэр, А. Блок, Д. Бергер), а также уточнено понятие практической феноменологии как способа удержания контекста в приятии мира (В. Биbihин, Л. Толстой).

Диагноз: субъект достижений и утрата контекста

Позвольте поделиться несколькими наблюдениями. Первое наблюдение касается способа философствования. Ханна Арендт в письме к Карлу Ясперсу от 15 июля 1926 года пишет: «...Я стараюсь истолковать историю, понять все, что в ней отражено, обращаясь при этом к тому, что мне уже известно по моему собственному опыту. То, что с этой точки зрения для меня понятно, я принимаю, что нет – отвергаю» [Арендт, Ясперс, 2021, 35]. Философия, которая занимается разбором того, что *явлено* лично тебе, которая отдаёт предпочтение опыту восприятия перед опытом вербализации, тем, что уже сказано и закреплено, называется в широком смысле «феноменологией». Именно этот способ философствования мы будем иметь в виду далее.

Второе наблюдение касается привычных способов жизни. Утренний трамвай. Народу немного. Чуть правее перед нами, стоящими у окна, сидят девочка лет трёх-четырёх и бабушка. В руках у ребёнка смартфон – экран дюймов семь, большой. Она уверенно держит его и так же уверенно управляется: навигация, поиск, одна игра, другая. На экране иконки всех известных приложений. Уверен, загружать фото в социальные сети она научилась одновременно с усвоением родного языка, если не раньше.

На экране кто-то работает – запущена игра. Столь же старателен и игрок. Сосредоточенность полная: движения пальцев подчинены необходимости игрового процесса. За время поездки никто не произносит ни слова. Ребёнок не отрывается от смартфона. Желания оглядеться вокруг, по всей видимости, не возникает ни у кого.

Нельзя сказать: «это плохо». Техника открывает новые способы жизни, и запретами от них не отделаться. Да и нет уверенности, что сами по себе эти способы жизни порочны. Ребёнок

занят. Он трудится. Пока – в игре. Позже, повзрослев, станет усерден в избранном деле. Сосредоточенность говорит о собранности. Собранность – полезный навык.

Я собираю всего себя и целиком отдаю работе, взамен получаю достаток, если повезёт – успех, обеспеченную старость, возможно, чувство удовлетворения. Последнее, впрочем, скоротечно и перебивается тревогой: всё вокруг неустойчиво.

Ханна Арендт осуждала современную цивилизацию за редукцию действия к труду, за превознесение трудового общества, где человек низводится до *animal laborans* – трудящегося животного, пассивно отдающегося безличному процессу жизни, в котором стирается индивидуальность. Всё подчиняется просчитываемой эффективности. Но человек, по Арендт, одарён способностью к поступку, а потому *«ускользает от всякой обозримости и вычислимости»* [Арендт, 2017, 220]. Действие связано с рождением – с новым началом, *«и оно всегда немислимая невероятность»* [Арендт, 2017, 220].

Популярный немецкий философ корейского происхождения Бён-Чхоль Хан возражает Арендт [Хан, 2023, 83]. Позднесовременное *animal laborans* не отрекается от индивидуальности. Напротив, оно хочет иметь дело только с собой. Трудовое общество индивидуализировалось и стало обществом достижений. На место послушного субъекта дисциплинарной эпохи приходит субъект достижений. Для него – фитнес-залы, престижные университеты, банки, каршеринг, аэропорты. Каждый становится автором и предпринимателем для самого себя. Дисциплинарная модель, основанная на запрете и внешнем принуждении, уступает место модели самоэксплуатации. Логика отрицания («Ты не должен») заменяется логикой позитивности («Ты можешь»). В результате субъект отождествляет себя с требованием производительности, неудача интерпретируется как личная вина, и жизнь становится проектом достижения, что нередко приводит к выгоранию и депрессии, поскольку выдвигаемые к самому себе требования не имеют предела: бег желаний остановить не представляется возможным.

У субъекта достижений есть еще одна примечательная черта: острое сознание конечности жизни, не ограниченной ничем трансцендентным. Есть только моя жизнь, и я должен в ней преуспеть. Опереться не на кого. Разве что на смарт-устройства и цифровые сообщества, но и они функциональны и преходящи. Я остаюсь один на один с собственной жизнью, ставшей «голой». Иной задачи, кроме выживания в гонке достижений, не ставится. Хан, интерпретируя Агамбена, говорит о *homo sacer* – человеке, которого можно убить, не совершая убийства [Хан, 2023а, 86]. Таковы узники, изгнанники, люди без документов. Им остаётся только подчинить себя задаче выживания.

Субъект достижений – не изгой. Но он тоже ведом страхом смерти. Им движет вера, что, целиком отдавая себя работе, он, если и не победит смерть, то оставит жизнь победителем. «Выжить» здесь означает добиться успеха, стать социально неубиваемым. Таковы успешные люди – они у всех на виду. Хотя субъект достижений формально не исключён, структурно он оказывается в сходной позиции: его жизнь становится проектом самосохранения через успех. Это своего рода имманентное бессмертие, обретаемое уже при жизни (эту идею хорошо обыграли сценаристы первого сезона сериала «Upload», «Загрузка»).

Ребенок молчит, он ушел с головой в игру, у него нет желания поднять глаза и оглядеться. Почему он это делает? Гипотез много: интересная игра, предоставляемые техникой способы жизни, занятость родителей и т.д. Вместе с тем, очевидно, стремление к социальной неубиваемости имеет цену – субъект достижений, оставшийся один на один с голой жизнью, не принимает мир, добровольно разрывает множество нитей, связывающих его с окружением. Он отворачивается от мира. Нет времени оглядываться. Потеря контакта с реальностью – такова цена стремления к социальной неубиваемости.

Французский психиатр и философ Эжен Минковский видел причину ряда расстройств в утрате контакта с реальностью – способности интуитивно схватывать динамическое взаимодействие между Я и контекстом [Минковский, 2018, 87-93]. Назовем это «утратой контекста». Созерцательное мышление помогает удерживать контекст. У него своё время – не линейное, не ускоряемое. Его нельзя просчитать. А именно скорость сегодня считается ценностью. Бён-Чхоль Хан опирается на позднего Хайдеггера и называет созерцание *осмыслением* [Хан, 2023b, 173]. Основная его задача – предоставить доступ к тому, что, не являясь образом и представлением, их поддерживает. Потому нахождение в осмыслении выглядит как приостановка активности, имеющей опору в образах и представлениях, их задержка, высвобождение тех сторон контекста, которые прежде находились в тени. Созерцательное осмысление сопровождается *приятием*, под которым следует понимать нахождение себя в контексте, который просто есть: все устроено вот так, придется и с этим иметь дело. Это и представляет интерес: созерцание как возможность оставаться в контакте с реальностью. Мы постараемся ввести представление о практической феноменологии в этом ключе, избегая при этом, по возможности, специальной терминологии.

Возвращение контекста и приятие мира: особенности практической феноменологии

Предоставим слово Александру Блоку. *«Душа писателя, – замечает он, – испорченная душа. Вот писатель увидел картину Бёклина «Лесная тишина». Девушка на единороге смотрит в даль между стволами деревьев. Для критика и писателя – взгляд девушки и единорога непременно «символичен». О нем можно сказать много умных и красивых слов. Может быть, это большая литературная заслуга, но неисправимая вина перед живописью: это значит – внести в свободную игру красок и линий свое грубое, изнурительное понимание; все равно что толстый дядюшка – пришел в детскую, одного племянника игриво пощекотал, другого похлопал жилистой рукой по пушистой щеке, третьему помог складывать кубики. Смотришь – разорил всю игру, и одичалые племянники уже дуются в углу. Душа писателя поневоле заждалась среди абстракций, загрустила в лаборатории слов...»* [Блок, 2020, 24]

Блок советует писателю учиться смотреть у живописи, не обращать внимания на глубокомысленную критику («умные и красивые слова»), пробовать прикоснуться к чему-то взором, к этому и призывает живопись. Для живописца, не испорченного «изнурительным пониманием», мир есть. *Приятие мира* (не оправдание) означает допущение его сложности: он видим, но где-то и не видим, не всем в нем может нравиться, что-то ускользает от восприятия и не открывается в форме знания. Мир есть – это наивное, по-детски доверчивое «да» миру, содержащееся во взгляде художника и делающего его возможным, отличает живописца. Возможно, Блок хочет сказать: писатель – не тот, кто много чего знает и ловко обращается со словами, но тот, кто говорит «да» миру до того, как он его осудит или похвалит. Писатель знает цену самим вещам, тех, что открылись в нашем опыте, в них содержится сила, ее не обретишь в «лаборатории слов». Блок больше доверяет взгляду, чем слову, в том смысле, что слово опосредовано фундаментальным приятием мира, которое и позволяет случиться прикосновению, благодаря которому что-то дает о себе знать. Это не антиинтеллектуализм, а указание на приоритет феноменального уровня.

С русским поэтом согласился бы философ Артур Шопенгауэр. В 36 параграфе первого тома «Мира как воли и представления» он, не церемонясь, записывает: *«Обыкновенный человек,*

этот фабричный товар природы.., не останавливается долго на чистом созерцании, не приговорает надолго своего взора к одному предмету, но для всего, что ему встречается, ищет поскорее понятие, под которое можно было бы все это подвести, как ленивый ищет стул, и затем предмет больше уже не интересуется его» [Шопенгауэр, 2015, 167].

Все мы в той или иной степени ленивы, зачем пристально всматриваться, где-то рядом есть стул, кто-то что-то уже сказал, о чем-то подумал, остается «присесть». Проект самосохранения принуждает торопиться, а длительное созерцание – роскошь, на нее нет времени. Субъект достижений натренирован на реактивность, он не научен не реагировать. Место вдумчивого созерцания занимает неймдроппинг (namedropping) – забрасывание друг друга именами мыслителей и концепций, которые у всех на слуху, способ академического самоутверждения и самосохранения. Неймдроппинг как форма реактивности, скорейшего отклика – атрибут голой жизни, приемлемая для академической жизни замена неторопливого думания.

Британский арт-критик и писатель Джон Бергер в книге «Искусство видеть» возвращает нас к проблематике приятия мира. Он утверждает: мы видим пониманием: *«То, что мы знаем или во что верим, влияет на то, как мы видим окружающие нас вещи. К примеру, в Средние века, когда люди верили в реальное существование Ада, горящий огонь значил для них нечто отличное от того, что он значит для нас»* [Бергер, 2012, 10]. Приятие мира – по-детски доверчивое и безоценочное «да» миру, условие феноменальности. Что-то может проявиться лишь после того, как мы дали «место» проявляемому. Давая место проявляемому, мы включили в это место и самих себя вместе с тем, что определяет наше видение – паттернами восприятия, неотделимыми от человеческой природы и социокультурного окружения. Тогда всякое «да» миру – «да» и тому, что состоялось в нас. Выходит, мы ищем контакта с миром, понимаемым как горизонт устоявшихся значений, которым принадлежим. Следовательно, созерцание не означает наивного устранения интерпретации. Оно предполагает осознание горизонта, внутри которого происходит видение.

Основную тему практической феноменологии в свете вышесказанного можно определить как возвращение контекста посредством *навидения* [Бибихин, 2012, 405]. Речь в ней идет о невозможном – приятии мира, которое совпадает с выдвиганием за горизонт устоявшихся значений. Термин «практическая феноменология» Бибихин использует в курсе лекций «Дневники Льва Толстого».

Бибихин разворачивает понимание практической феноменологии, отталкиваясь от дневниковых записей Льва Толстого. Несколько записей представляют особую ценность для нас: *«Человек сознает себя, – пишет Толстой, – как весь мир, неиндивидуально, и сознает себя, как человека индивидуума»* [Бибихин, 2012, 235]. Далее: *«У каждого человека есть отверстие, через которое он может воспринять истину, но истина передается ему не со стороны отверстия»* [Бибихин, 2012, 328]. Еще одна цитата: *«Есть ужасные заслонки, замыкающие сердца и сознания людей и мешающие им принять истину. Как отворять их? Как проникать за них? Не знаю, а в этом величайшая мудрость»* (Бибихин, 2012, 329). Есть неиндивидуальное сознание мира и есть заслонки, замыкающие сердца и сознания людей. Человек – открытое окно, он может знать истину, выйти к неиндивидуальному сознанию мира, но открытое окно не является достаточным условием постижения. Самое интересное здесь – самое непонятное: заслонки есть, они мешают, значит есть отмыкающий их ключ, будем искать и обязательно найдем. Нет, утверждает Толстой, невозможно. И, похоже, он прав: ведь речь идет о том, что основательно «сращено» с нами, чему мы принадлежим всецело, тогда нужно убрать себя целиком, разве это возможно? Невозможно, но случается. Вместе с приятием мира что-то

уходит. Заслонки отворяются сами. Приятие мира совпадает с принятием собственной беспомощности. Практическая феноменология тематизирует противоположное голой жизни – мир, который открывается безоружному, доверчивому взгляду, в котором нет места ни субъекту подчинения, ни субъекту достижений, но может случится *сознание мира*. Навидение — неблагозвучное слово. Оно противопоставлено ненависти. Ненависть – отказ видеть, сужение горизонта. *Навидеть* – охотно всматриваться, не стремясь обладать. Расширять контекст. Утверждать бытие другого. Не держаться за имеющееся. Смотреть так, чтобы стало ясно, что закрывает. Не уничтожать заслонки, а увидеть их. Не ускорять открытие, а пребывать в возможности, в приятии того, что есть.

Выводы

Феноменология в гуссерлевском смысле предполагает эпохэ – приостановку естественной установки [Гуссерль, 1999, 72-73]. Экзистенциальная модификация этого жеста может быть интерпретирована как задача практической феноменологии, в которой естественная установка приостанавливается не только для того, чтобы «схватить» смысл (эта задача остается важнейшей), еще раньше должно случиться иное – приятие мира, расширение горизонта.

Владимир Биbihин, обращаясь к дневникам Л. Н. Толстого, вводит понятие «навидения» – внимательного всматривания без стремления к обладанию. Этот термин противопоставляется ненависти как сужению горизонта. Практическая феноменология может быть понята как внимание к собственным горизонтам интерпретации, отказ от немедленной реакции и расширение контекста через не-агрессивное поведение. Устранить «заслонки», закрывающее сердце и сознание усилием воли и насилием над собой не всегда получается. Созерцательная установка не противопоставляется действию как пассивность. Напротив, она является его предпосылкой. Без удержания контекста, обращения внимания на имеющиеся условия и возможности, действие вырождается в реакцию, а жизнь – в проект самосохранения.

Практическая феноменология в условиях общества достижений выступает не частной духовной практикой, а формой сопротивления редукции человеческого существования к исчисляемым формам и к производительности.

Ребенок молчит, молчит и сопровождающий его взрослый, каждый занят своим делом. Продолжим движение по своим делам и мы.

Библиография

1. Арндт Х. *Vita Activa, или О деятельной жизни* / пер. с нем. и англ. В.В. Биbihина. 2-е изд. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2017. 416 с.
2. Бергер Дж. *Искусство видеть* / пер. с англ. Е. Шраги. Санкт-Петербург: Клаудберри, 2012. 184 с.
3. Биbihин В.В. *Дневники Льва Толстого*. Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха, 2012. 480 с.
4. Блок А. *Краски и слова* // А. Блок. *Краски и слова*. Москва: РТПОЛ классик, 2020. С. 19-28.
5. Гуссерль Э. *Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии*. Книга I. *Общее введение в чистую феноменологию* / пер. с нем. А.В. Михайлова. Москва: Дом интеллектуальной книги, 1999. 336 с.
6. Минковски Э. *Проживаемое время. Феноменологические и психопатологические исследования* / пер. с франц. Е. Пучковой и Т. Юшкевич. Москва: Городец, 2018. 496 с.
7. Хан Бён-Чхоль. *Ароматвремени. Философские эссе об искусстве созерцания* / пер. с нем. А.С. Салина. Москва: АСТ, 2023. 192 с.
8. Хан Бён-Чхоль. *Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива* / пер. с нем. А.С. Салина. Москва: АСТ, 2023. 160 с.
9. Шопенгауэр А. *Мир как воля и представление*. Т. I. // А. Шопенгауэр. *Собрание сочинений*: В 6 т. Т. 1 / пер. с нем. под ред. А.А. Чанышева. Москва: Республика, Дмитрий Сечин, 2015. 495 с.

The Contemplative Attitude and the Return of Context: On the Problem of Practical Phenomenology in Late Modern Society

German V. Melikhov

Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of Social Philosophy,
Kazan (Volga Region) Federal University,
420008, 35, Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: german.melikhov@kpfu.ru

Nazilya N. Melikhova

PhD in History, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Human Resource Management,
Kazan National Research Technological University,
420015, 68, Karl Marx str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: nmelikhova@bk.ru

Abstract

The article analyzes the transformation of subjectivity in the conditions of the late modern achievement society and substantiates the thesis about the necessity of a contemplative attitude as a condition for preserving the context of human existence. Based on the distinction between labor, work, and action (H. Arendt), as well as the concept of the achievement subject (Byung-Chul Han), it is shown that the modern logic of productivity leads to reactivity and a narrowing of the horizon of experience. Drawing on the ideas of E. Minkowski, A. Schopenhauer, A. Blok, J. Berger, and V. Bibikhin, an understanding of contemplation as a form of suspending the instrumental attitude towards the world is substantiated. Practical phenomenology is interpreted as a way of returning context through the non-reactive retention of phenomenality. It is concluded that the contemplative attitude is not an alternative to action, but acts as its ontological precondition.

For citation

Melikhov G.V., Melikhova N.N. (2026) Sozertsatel'naya ustanovka i vozvrashcheniye konteksta: k probleme prakticheskoy fenomenologii v pozdnesovremennom obshchestve [The Contemplative Attitude and the Return of Context: On the Problem of Practical Phenomenology in Late Modern Society]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 15 (1A), pp. 64-71. DOI: 10.34670/AR.2026.44.81.006

Keywords

Contemplation, late modern society, practical phenomenology, context, reactivity, action, Byung-Chul Han, Hannah Arendt, Vladimir Bibikhin, acceptance of the world

References

1. Arendt, H. (2017). *Vita Activa, ili O deyatel'noy zhizni* [Vita Activa, or On the Active Life] (V. V. Bibikhin, Trans.; 2nd ed.). Moscow: Ad Marginem Press.

-
2. Berger, J. (2012). *Iskusstvo videt'* [The art of seeing] (E. Shraga, Trans.). Saint Petersburg: Cloudberry.
 3. Bibikhin, V. V. (2012). *Dnevnik L'va Tolstogo* [The Diaries of Leo Tolstoy]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha.
 4. Blok, A. (2020). *Kraski i slova* [Colors and Words]. In A. Blok, *Kraski i slova* [Colors and Words] (pp. 19-28). Moscow: RTPOL klassik.
 5. Han, Byung-Chul. (2023a). *Obshchestvo ustalosti. Negativnyy opyt v epokhu chrezmernogo pozitiva* [The Fatigue Society: Negative Experiences in an Age of Excessive Positivity] (A. S. Salin, Trans.). Moscow: AST.
 6. Han, Byung-Chul. (2023b). *Aromat vremeni. Filosofskie esse ob iskusstve sozertsaniya* [The Scent of Time: Philosophical Essays on the Art of Contemplation] (A. S. Salin, Trans.). Moscow: AST.
 7. Husserl, E. (1999). *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. Kniga I. Obshchee vvedenie v chistuyu fenomenologiyu* [Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. Book I: General Introduction to Pure Phenomenology] (A. V. Mikhaylov, Trans.). Moscow: Dom intellektual'noy knigi.
 8. Minkowski, E. (2018). *Prozhivaemoe vremya. Fenomenologicheskie i psikhopatologicheskie issledovaniya* [Lived Time: Phenomenological and Psychopathological Studies] (E. Puchkova & T. Yushkevich, Trans.). Moscow: Gorodets.
 9. Schopenhauer, A. (2015). *Mir kak volya i predstavlenie. T. I.* [The World as Will and Representation. Vol. I.]. In A. Schopenhauer, *Sobranie sochineniy: V 6 t. T. 1* [Collected Works: In 6 volumes. Vol. 1] (A. A. Chanyshv, Ed.). Moscow: Respublika, Dmitriy Sechin.